

Матвей Антонович Куренков

Матвей
— ПОПОВСКИЙ СЫН

православный триллер

Матвей Куренков

Матвей поповский сын

<https://litres.ru/74535614>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта повесть посвящается моему родному младшему братишке Матюше, чтоб он знал! Я люблю своего младшего братишку любого, за то что он есть в моей жизни!!!!

Матвей — сын священника, который стыдится отца и своей семьи. Он связался с бандитами, пошёл на преступление и предал всё, что было свято. Но даже на дне бездны его ждут. Эта повесть — православный триллер о падении и возвращении, о том, что отцовская любовь и молитва сильнее греха, смерти и самого страшного выбора. История о сыне, который вернулся. И об отце, который всегда ждал.

Содержание

Повесть: Матвей - поповский сын

4

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Матвей Куренков

Матвей поповский сын

Повесть: Матвей - поповский сын

*Эта повесть посвящается моему родному
младшему братишке Матюше, чтоб он знал! Я
люблю своего младшего братишку любого, за то
что он есть в моей жизни!!!!*

От Глазова Николая

Жанр: православный триллер

Автор: Глазов Николай Александрович, Матвей Антонович Куренков!!

Аннотация

Матвей — сын священника, который стыдится отца и своей семьи. Он связался с бандитами, пошёл на преступление и предал всё, что было свято. Но даже на дне бездны его ждут. Эта повесть — православный триллер о падении и возвращении, о том, что отцовская любовь и молитва сильнее греха, смерти и самого страшного выбора. История о сыне, который вернулся. И об отце, который всегда ждал.

Глава 1. Икона и BMW

Время действия: Пятница, поздний вечер. Конец октября.

Ветер, холодный и пронизывающий, как игла, впивался в купола маленькой приходской церкви во имя святителя Николая Чудотворца. Этот храм, затерянный на окраине губернского города, стоял здесь уже больше века, пережив революцию, войны и лихие девяностые. Сейчас, в свете тусклых фонарей, его белые стены казались серыми, а позолота крестов — тусклой медью.

Внутри храма царил полумрак. Только несколько лампад у икон да пучок свечей перед центральным аналоем разгоняли густую, сгустившуюся, как смола, тьму. Пахло ладаном, воском и старой книжной пылью. Этот запах был для отца Николая не просто привычным — он был воздухом его жизни.

Служба подходила к концу. Вечерня тянулась медленно, тяжело, словно вода в застоявшейся реке. Людей было мало. Пара старушек в темных платках, сгорбленных и безмолвных, да одинокий мужчина у входа, нервно перебирающий четки. Отец Николай стоял перед Царскими вратами, спиной к прихожанам, лицом к алтарю. Его голос, обычно сильный

и чистый, сегодня звучал глухо, надтреснуто.

— Слава Тебе, показавшему нам свет...

Он произносил слова молитвы, но мысли его были далеко. Вернее, они были здесь, но не в этом моменте. Они были в прошлом. В том времени, когда этот храм был полон. Когда на клиросе пел слаженный хор, когда детский смех звенел под сводами, а его жена, матушка Анна, стояла у иконы Божией Матери, тихо улыбаясь. Тогда мир казался прочным. Казалось, что вера — это щит, который защитит от любой беды.

Но беда пришла. Не с грохотом, не с огнем, а тихо, как вор. Сначала умерла Анна. Врачи разводили руками, говорили о какой-то редкой болезни, но отец Николай знал: она просто устала. Устала от постоянной нужды, от жизни в старом доме при церкви, от того, что муж отдает всего себя приходу, а ей достаются лишь крохи. Ее смерть выжгла в душе отца Николая огромную дыру. А потом начал отдаляться сын.

Матвей. Его единственный сын. Матвей, в которого он вкладывал всю свою любовь, все надежды. Он мечтал, что сын пойдет по его стопам, станет священником, продолжит дело служения Богу. Но Матвей выбрал другой путь. Путь,

который для отца Николая был равносильен предательству.

Отец Николай закончил возглас и обернулся. Лицо его, осунувшееся и бледное, с глубокими морщинами у глаз, выражало крайнюю степень усталости. Это была не физическая усталость, а духовная — износ души. Он посмотрел на пустые скамейки, на догорающие свечи. В этом году исполнялось десять лет со дня смерти Анны. И, возможно, именно это накладывало на него такой тяжелый отпечаток.

— С миром изыдем, — произнес он, и его голос эхом разнесся в пустоте.

Прихожане начали медленно стекаться к выходу, прикладываясь к кресту, который держал отец Николай. Старушки что-то шептали, вздыхали, жалели его. Он кивал, *mechanically* давал целовать крест, но глаза его смотрели сквозь людей.

Матвей стоял в стороне, у колонны. Ему было пятнадцать. Высокий, худощавый, с копной темных волос, которые он постоянно ерошил. На носу — круглые очки в тонкой металлической оправе, которые он терпеть не мог. Они делали его похожим на ботаника, на «очкарика», как называли его в школе. Матвей ненавидел этот образ. Он хотел быть другим. Сильным, дерзким, независимым. Таким, каким его никогда

не видел отец.

Он смотрел на сгорбленную спину отца, на то, как тот механически выполняет свои обязанности, и чувствовал странную смесь жалости и раздражения. Жалости — потому что видел, как отец убивается. Раздражения — потому что вся эта «святость» казалась ему фальшью. Ну, кому нужны эти поклоны и молитвы? Матери они не помогли. Отца они не спасли от одиночества. Они лишь загоняли его в какую-то добровольную тюрьму.

Когда последняя старушка ушла, в храме стало совсем тихо. Только лампы мигали, да ветер гудел в вентиляции.

Отец Николай тяжело вздохнул и начал тушить свечи. Матвей подошел ближе. Он не знал, что сказать. Слова застревали в горле.

— Пап, — позвал он тихо.

Отец Николай вздрогнул, словно не ожидал услышать голос сына здесь, в этой тишине. Он обернулся. За стеклами очков Матвея он увидел отражение огоньков лампад. Глаза сына были серьезны.

— Что, Матвей? — спросил отец, и в его голосе послы-

шалась усталая нежность. — Ты давно здесь? Я не заметил.

— Давно, — ответил Матвей, подходя и беря в руки тряпку, чтобы помочь отцу протереть подсвечники. — Я... я смотрел.

— И как тебе служба? — спросил отец, хотя ответ знал заранее. Матвей никогда не любил службы. Он приходил только ради отца.

— Нормально, — буркнул Матвей. — Ты сегодня какой-то... потерянный. Что-то случилось?

Отец Николай замер. Он не привык, чтобы сын спрашивал о его чувствах. Обычно между ними стояла стена непонимания. Но сейчас, в этом пустом храме, стена, казалось, стала тоньше.

— Нет, сынок, — соврал отец Николай. — Просто устал. Сегодня много было дел. Да и... годовщина скоро.

Матвей кивнул. Годовщина. Конечно. Он помнил, как десять лет назад все рухнуло. Помнил, как отец замкнулся в себе, как начал читать какие-то старые книги, искать утешения в прошлом. Но это не помогало. Матвей видел, как отцу одиноко. И это одиночество было заразительным. Оно пере-

давалось и ему.

— Я помню, — сказал Матвей. — Мама бы не хотела, чтобы ты так убивался.

Отец Николай вздрогнул. Упоминание о жене было болезненным. Он отвернулся, чтобы скрыть навернувшиеся слезы. Он не хотел, чтобы сын видел его слабым.

— Да, — прошептал он. — Она была светлым человеком. Настоящим. Не то что мы с тобой.

Матвей нахмурился. «Не то что мы». Это было типично для отца. Постоянное самоуничижение. Матвей же считал, что они нормальные. Просто у них разные дороги.

— Пап, ну зачем ты так? — Матвей бросил тряпку на скамейку. — Мы не святые, да. Но мы живем. Мама хотела бы, чтобы мы жили. А ты... ты как будто умер вместе с ней. Ты ходишь, говоришь, служишь, но тебя нет. Тебя нет в этой жизни.

Эти слова прозвучали резче, чем Матвей хотел. Он сам испугался их. Отец Николай замер, спиной чувствуя правду этих слов. Он медленно обернулся. Его глаза были красны.

— Ты прав, — сказал он тихо. — Наверное, ты прав. Я застрял в прошлом. Я думал, что Бог утешит меня. Но утешения нет. Есть только долг. Долг перед Богом, долг перед тобой. И я стараюсь его исполнять.

Матвей почувствовал укол совести. Он не хотел обидеть отца. Он хотел его встряхнуть.

— Пойдем домой, — сказал Матвей примирительно. — Ты устал. Я чай согрею.

Отец Николай кивнул. Он снял облачение, аккуратно сложил его. В этот момент в кармане его подрясника завибрировал телефон. Он достал старенький кнопочный аппарат. Сообщение от старосты храма: «Батюшка, там в подвале трубы опять потекли. Нужно срочно чинить, а денег нет. Что делать?»

Отец Николай тяжело вздохнул. Он снова посмотрел на сына. Матвей стоял, смотря в телефон. Его лицо, освещенное холодным светом экрана, было отстраненным. Он что-то быстро печатал, улыбаясь. Улыбка была странная, нехорошая.

— Матвей, — окликнул его отец. — Ты с кем переписываешься?

Матвей вздрогнул и поспешно спрятал телефон в карман.

— Да так, ни с кем. С пацанами. По учебе, — соврал он.

Отец Николай не поверил. Он слишком хорошо знал своего сына. Но у него не было сил сейчас выяснять отношения. Он слишком устал. Слишком.

Они вышли из храма. Ночной воздух ударил в лицо, свежий и холодный. На небе, затянутом облаками, не было ни звезды. Редкие фонари освещали дорогу, ведущую к дому священника — старому двухэтажному зданию, стоящему рядом с церковью.

Отец Николай шел медленно, опираясь на трость (у него болела нога). Матвей шел рядом, засунув руки в карманы куртки. Он снова достал телефон. Экран загорелся. В мессенджере, где не было имен, только ники, мигало новое сообщение.

«Дельфин»: Брат, ты где? Мы ждем. Дело на миллион. Ты в деле?

«Матвей П.»: Я в деле. Скоро буду.

«Дельфин»: Тачка нужна. У тебя есть варианты?

«Матвей П.»: Есть. Отец на своей приехал. Ключи у него

в кармане. Заберу.

Матвей сжал телефон в руке. Сердце его колотилось. Это был не просто чат. Это был его билет в другую жизнь. Жизнь, где он не был бы сыном священника, «поповским сыном», над которым смеются в школе. Жизнь, где он был бы кем-то. Где он был бы Матвеем, а не просто тенью отца.

Он украдкой взглянул на отца. Тот шел, сгорбившись, погруженный в свои невеселые мысли. В его кармане лежали ключи от старенькой, но крепкой «Волги» — подарок одного прихожанина. Машина была для отца не роскошью, а необходимостью: ездить по приходам, возить свечи, книги, помогать нуждающимся.

Матвей знал, что совершает предательство. Он знал, что это грех. Но в его голове звучал голос «Дельфина»: «Ты же не хочешь быть никем, Матвей? Ты же хочешь, чтобы тебя уважали?»

Они подошли к дому. Отец Николай открыл калитку, пропуская сына вперед.

— Проходи, Матвей, — сказал он. — Я сейчас поставлю чайник. Ты будешь чай?

— Я... я на минутку, пап, — сказал Матвей, чувствуя, как горло сжимается. — Я забыл... мне надо в магазин. За хлебом.

Отец Николай удивленно посмотрел на него. Магазин в такое время? Но он слишком устал, чтобы спорить.

— Хорошо, — сказал он. — Только недолго. Я буду ждать.

Матвей кивнул и быстро пошел к машине, стоящей во дворе. Он не обернулся. Он не видел, как отец Николай смотрит ему вслед, как в его глазах мелькает тревога. Он не видел, как отец, перекрестившись, заходит в дом.

Матвей подошел к «Волге». Она была старой, но надежной. Он открыл дверь ключами, которые незаметно вытащил из кармана куртки отца (тот снял куртку в притворе, когда облачался). Ключи предательски звякнули. Матвей замер, прислушался. В доме горел свет, было тихо.

Он сел за руль. Пахло отцовским одеколоном и ладаном. Этот запах был для него запахом дома, запахом детства. Но сейчас он вызывал лишь тошноту. Матвей завел двигатель. Мотор взревел, нарушая ночную тишину.

Он нажал на газ. Машина тронулась с места, выезжая на

дорогу. Матвей не включил фары. Он ехал в темноте, как вор. И чувствовал себя именно так — вором. Вором, который крадет у отца не машину, а последнюю надежду.

Через пять минут он уже был на окраине города, у заброшенного гаража. Там его ждали. Три фигуры в темных куртках, с сигаретами в зубах. Это были они. «Дельфин» — высокий, широкоплечий парень лет двадцати, с жестокими глазами. И двое его подельников — «Крот» и «Штырь».

Матвей остановил машину. Он вышел, стараясь держаться уверенно.

— О, пацан приехал! — усмехнулся «Дельфин», подходя. — А тачка — огонь! Батюшкина? Ну ты даешь, Матвей. Святого отца обнес?

— Это не обнес, — огрызнулся Матвей. — Это... на время. Покатаемся.

— Покатаемся, — кивнул «Дельфин». — Только не просто покатаемся. Мы дело делаем. Ты в курсе, да? Банк на Ленина. Там касса. Ночью сменщик один. Мы заходим, берем бабки и уходим. Ты — за рулем. Понял?

Матвей сглотнул. Банк. Ограбление. Это было уже не про-

сто шалостью. Это была статья. Уголовная. Но отступить было некуда. Он сам загнал себя в эту ловушку.

— Понял, — сказал он, и голос его дрогнул.

— Че, боишься, что ли? — засмеялся «Штырь». — Поповский сын, а туда же. Грешить вздумал?

— Заткнись, — сказал Матвей. — Я не боюсь. Поехали.

Он сел за руль. Бандиты загрузились в машину. В салоне пахло дешевым табаком и потом. Матвей включил зажигание. Руки его трясло. Он посмотрел в зеркало заднего вида. В нем отражалась темная улица, уходящая в ночь. Где-то там, в доме, его отец, наверное, уже вскипятит чайник и сидит, ждет сына. Ждет с хлебом.

Матвей резко нажал на газ. «Волга» рванула с места, унося его в темноту. Он не знал, что ждет его впереди. Он знал только одно: назад дороги нет.

А в это время в доме священника отец Николай сидел за столом. Перед ним стояла чашка с остывающим чаем. Он смотрел на икону Спасителя в углу. В голове его звучали слова молитвы: «Господи, спаси и сохрани сына моего...»

Он не знал, что в этот самый момент его сын мчится по ночной дороге, чтобы совершить то, что навсегда изменит их жизни. Он не знал, что его молитва — это единственное, что еще держит хрупкую нить между жизнью и смертью, между светом и тьмой.

Ветер за окном усилился. Он бился в стекло, словно пытаясь предупредить о беде. Но отец Николай не слышал его. Он слышал только тишину. И в этой тишине рождалась молитва. Молитва о сыне, который выбрал свой путь. Путь в бездну.

«Волга» неслась по трассе. Фары выхватывали из темноты мокрый асфальт, деревья, дорожные знаки. Матвей вцепился в руль, пальцы побелели. Рядом сидел «Дельфин», курил в открытое окно, пепел летел назад, в лицо «Кроту», но тот молчал.

— Быстрее, — сказал «Дельфин». — Нам нужно быть у банка через десять минут.

Матвей не ответил. Он думал о том, что сейчас делает отец. Наверное, уже понял, что машины нет. Наверное, звонит ему. Телефон Матвея лежал в кармане и вибрировал. Он не отвечал. Он не мог ответить. Он не знал, что сказать.

Вибрация прекратилась. Потом началась снова. Матвей выключил звук. Он не хотел слышать этот звонок. Этот звонок был голосом совести, который он пытался заглушить ревом мотора.

— Слушай, — сказал «Дельфин», — а ты че, правда, в церковь ходишь? Ну, молишься там?

— Ходил, — буркнул Матвей. — Раньше.

— А че, сейчас нет?

— Нет.

— И правильно, — засмеялся «Дельфин». — Бога нет. Есть только сила. И деньги. Понял? Сегодня мы возьмем деньги. И станем сильными. А твой батюшка пусть дальше свечки продает. Лохам.

Матвей стиснул зубы. Ему хотелось ударить «Дельфина». Но он не мог. Он был один. Против них троих. И против всего мира.

Машина выехала на центральную улицу. Город спал. Только редкие фонари освещали витрины магазинов. Банк находился в старом здании с колоннами. Сейчас он был те-

мен и тих. Только одно окно на втором этаже слабо светилось — там был кабинет управляющего, но сейчас там никого не было.

«Дельфин» достал из сумки маски и перчатки. Протянул Матвею.

— Надевай. И жди в машине. Мы быстро.

Матвей надел маску. Она была холодной и пахла резиной. Он смотрел, как бандиты выходят из машины и исчезают в темноте у входа в банк. Он остался один. В машине отца. В маске. В ожидании.

Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать. Матвей начал нервничать. Что если их поймали? Что если там охрана? Что если...

В этот момент в его кармане снова завибрировал телефон. Он достал его. На экране — «Папа». Матвей смотрел на эти буквы, и внутри него что-то оборвалось. Он вспомнил лицо отца. Усталое, грустное, но такое родное. Вспомнил, как отец сказал: «Я буду ждать». Ждать с хлебом.

Матвей нажал «отклонить». Рука дрожала. Он отбросил телефон на сиденье.

В этот момент дверь банка открылась. Бандиты выбежали, неся тяжелый мешок. Они прыгнули в машину.

— Гони! — заорал «Дельфин». — Гони, быстро!

Матвей нажал на газ. «Волга» сорвалась с места, оставляя за собой шлейф дыма. Сзади раздался звук сирены. Милиция. Кто-то их заметил.

— Быстрее! — кричал «Крот».

Матвей выжал максимум. Стрелка спидометра поползла вверх. Дорога была мокрой, скользкой. Машину заносило. Матвей крутил руль, пытаясь удержать контроль. В голове было пусто. Только одна мысль: «Уйти. Уйти. Уйти».

Они свернули в переулок. Потом еще раз. Петляли по дворам, пытаясь сбросить хвост. Сирена то приближалась, то отдалялась. Матвей не знал, куда ехать. Он просто ехал.

Внезапно на дорогу выскочила собака. Матвей резко вывернул руль, чтобы не сбить ее. Машину повело. Раздался визг тормозов, удар. «Волга» врезалась в столб.

Матвея бросило вперед. Голова ударилась о руль. Очки

слетели, упали куда-то под ноги. В глазах потемнело. Он услышал, как бандиты выскакивают из машины, матерятся, убегают. Они бросили его. Оставили одного.

Матвей попытался открыть дверь. Она заклинила. Он выбрался через окно. Упал на мокрый асфальт. Боль в голове была невыносимой. Кровь заливала лицо. Он попытался встать, но ноги не слушались.

Сирена приближалась. Матвей лежал на холодной земле, глядя в черное небо. В голове звучал голос отца: «Господи, спаси и сохрани...»

Он закрыл глаза. И в этот момент понял, что это не конец. Это только начало. Начало его пути. Пути из ада. Или к Богу. Он еще не знал.

Отец Николай стоял на пороге дома. Он услышал звук сирены где-то вдалеке. Сердце его сжалось. Он снова набрал номер сына. Телефон был недоступен.

Он вышел во двор. Машины не было. Он посмотрел на дорогу. Пусто. Только ветер гнал опавшие листья.

Отец Николай опустился на скамейку. Он не плакал. Он просто смотрел в темноту. И молился. Молился так, как не

молился никогда в жизни.

— Господи, — шептал он. — Если это испытание, дай мне силы. Если это наказание, прими мое покаяние. Но спаси его. Спаси моего сына. Он не плохой. Он просто запутался. Он просто... мой сын.

Ветер стих. Наступила тишина. И в этой тишине отец Николай слышал, как где-то далеко, за много километров, разбивается машина. И разбивается жизнь. Его жизнь. И жизнь его сына.

Он не знал, что будет дальше. Он знал только одно: он будет ждать. Ждать, как ждал всегда. Ждать с хлебом. Ждать с молитвой. Ждать с надеждой.

Потому что он был отцом. А быть отцом — это значит ждать. Всегда. Даже когда надежды уже нет.

Глава 2. Ночь, которая длилась вечность

Время действия: С вечера пятницы до утра субботы. Тот же город.

Ночь опустилась на город, как чёрный саван. Она была густой, тяжёлой, липкой. Такие ночи бывают только поздней

осенью, когда небо затянуто тучами, и кажется, что солнце никогда больше не взойдёт. Отец Николай сидел на кухне, при свете одной тусклой лампочки, и смотрел на часы.

Было два часа ночи.

Он не ложился. Не мог. Не хотел. Он сидел на табурете, сгорбившись, положив руки на стол. Перед ним стояла чашка с чаем, который давно остыл. Рядом лежал кусок хлеба, который он так и не съел. Хлеб, который он купил утром, чтобы встретить сына. Хлеб, который теперь казался ему символом его отцовской беспомощности.

Он снова набрал номер Матвея. Гудки. Длинные, тягучие, бесконечные. Никто не отвечал. Он набрал ещё раз. И ещё. И ещё. С каждым гудком в его груди что-то обрывалось. Что-то важное. Что-то, что держало его на поверхности.

— Господи, — прошептал он, откладывая телефон. — Господи, помилуй. Господи, спаси. Господи, сохрани.

Молитва была механической. Слова шли из памяти, из привычки, из многолетнего служения. Но сердце молчало. Сердце кричало. Оно кричало так громко, что заглушало все слова.

Он встал. Прошёлся по кухне. Потом по коридору. Потом по комнате. Дом был старым, скрипучим. Каждый шаг отдавался эхом в пустых стенах. Этот дом знал многое. Он видел слёзы, молитвы, радость, горе. Он видел, как Матвей родился, как он делал первые шаги, как пошёл в школу. Он видел, как умирала Анна. Он видел, как отец Николай остался один. И теперь он видел, как этот одинокий человек мечется в темноте, не находя себе места.

В углу комнаты, перед иконой Божией Матери, горела лампада. Красный огонёк дрожал, отбрасывая на стену причудливые тени. Отец Николай подошёл к иконе. Опустился на колени. Его колени хрустнули, боль в ноге отдала в бедро, но он не обратил на это внимания.

— Пресвятая Богородица, — прошептал он. — Ты знаешь, что такое потерять сына. Ты стояла у Креста. Ты видела, как умирает Твой Сын. Дай мне силы. Дай мне сил пережить эту ночь. Дай мне сил дождаться его. Дай мне сил...

Он не договорил. Слёзы, которые он сдерживал весь вечер, наконец прорвались. Они текли по его морщинистым щекам, капали на пол, на старый паркет, который помнил ещё его молодость. Он плакал беззвучно, без всхлипов, без истерики. Это были слёзы человека, который уже давно перестал ждать облегчения.

В этот момент в дверь постучали.

Отец Николай вздрогнул. Он быстро вытер лицо, встал, опираясь на трость, и пошёл к двери. Кто мог прийти в такое время? Может, это Матвей? Может, он просто забыл ключи? Может, всё обошлось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.